

«Кино—это политика»

Правда, - 1990. - 19 июля - С. 7.

Итальянская пресса создала Этторе Сколе славу человека, у которого очень тяжелый характер и который терпеть не может давать интервью. Как родилось первое утверждение—не знаю: понаблюдав несколько часов его работу на съемочной площадке, я мог только позавидовать дружеской атмосфере, царившей там даже в самые напряженные моменты. А вот второе мнение разделяю. Несколько месяцев он отвечал по телефону: «Да-да, конечно». И под разными предлогами уклонялся от встречи. Лишь когда убедился, что не отстану, его секретарша сообщила: «Интервью он давать не будет, но предлагает приехать прямо на студию: в перерыве просто побеседовать». Ну, решил я, просто так просто...

Этторе Сколу хорошо знают не только в Италии: этот 59-летний режиссер и сценарист давно завоевал и широкую зрительскую славу, и репутацию среди специалистов. Трижды лауреат Каннского фестиваля, обладатель главного приза Московского международного, наград с конкурсов в Западной Берлине и Венеции — уже этот перечень подтверждает, что он мастер признанный. На последнем Венецианском фестивале сам режиссер фильма «Который час?», он же соавтор сценария, остался без «медалей», но актеры М. Масто-ройяни и М. Троици, игравшие двух главных героев, разделили приз за лучшее исполнение мужской роли. Правда, советскому «нефестивальному» зрителю творчество Э. Сколы известно меньше, но и шедшие у нас в широком прокате «Мы так любим друг друга», «Терраса» и «Бал» достаточно говорят об уровне их автора. Кстати, скоро к ним прибавится «Семья», которую сейчас дублируют.

Из характеристики в советском Энциклопедическом кинословаре я узнал, что у нас Э. Сколу относят к специалистам «комедии по-итальянски». Оценка сегодня явно узковата: не все его фильмы — комедии, хотя все сделаны, естественно, с юмором, то есть действительно по-итальянски. Что в его послужном списке найти действительно трудно, так это политические фильмы в чистом виде. Но тут у Сколы твердая точка зрения:

— Создавая фильм, то есть обращаясь к широкой публике с какой-то мыслью, идеей, хорошей или плохой, ты всегда занимаешься политикой. Все филь-

мы — политические уже из-за их обращенности к массовой аудитории. Даже мультфильмы Диснея. Даже откровенно аполитичный фильм в конечном счете политичен — своим отрицанием политики.

В компартии я смолodu, вырос на ее идеях. И пытался к своей работе применить некоторые из них — конечно, не так прямо, наверное, как это делалось у вас в кино так называемого социалистического реализма. Но когда пишешь сценарий или снимаешь фильм, невозможно отрешиться от собственных политических идей. Они тем или иным образом входят во все дела.

И уже совсем непосредственно — в те, которыми занимаешься по заданию партии. Я имею в виду участие в «теневом правительстве»...

Прерву на минуту беседу со Сколой и поясню: он еще и министр. Не знаю, как писать в данном случае это слово — в кавычках или без: ведь он министр культуры в «теневом правительстве» Итальянской компартии. Члены «коммунистического кабинета», созданного прошлым летом по британскому образцу, как и в действительном правительстве, отвечают за какую-то сферу жизни итальянского общества и соответственно разрабатывают контрпредложения левой оппозиции в противовес политике правящих партий.

— То, что известный и, главное, действующий режиссер стал министром, не так уж необычно, есть и другие примеры, в том числе и у нас. Удивительнее сам факт создания компартией такого министерства: от итальянцев приходилось в прошлом слышать немало ирониче-

ских замечаний по поводу претензий наших московских чиновников на управление культурой и искусством...

— Да, но Итальянская компартия, по крайней мере в последнее десятилетие, не давала своим членам никаких директив в области культуры. Я в кино более 30 лет, и ни разу партия даже в минимальной степени не вмешивалась в мою работу. Закончив фильм, я обычно пока-

Наш собеседник—Этторе Скола

зываю его своим товарищем: когда-то — Энрико Берлингуэру, сейчас — Акилле Оккетто. Он может нравиться или нет. Скажем, «Терраса» вызвала среди коммунистов весьма противоречивые оценки: многие его сочли пессимистическим, даже пораженческим. Но все это было не более чем мнение о фильме, снятом режиссером-коммунистом.

И для нас создание министерства культуры не означало подготовку «культурных» директив. Оно должно было способствовать — в рамках возможностей «теневого кабинета» — созданию в обществе среды, в которой человек может воспринимать и распространять культуру. А это, на мой взгляд, одна из наиболее серьезных проблем сегодняшней Италии. Наркомания, мафия, отчужденность человека, расизм рождаются от отсутствия культурной среды.

— И что же сумел сделать министр Скола за первый год в этом «кресле»?

— Очень немного. Дело в том,

что «теневое правительство» — это идеи, предложения, но без какой-то реальной власти. Мы, министры, во всем участвуем непосредственно: я с товарищами ездил на юг страны, где проблема культуры наиболее остра, выступал перед людьми, беседовал с ними. Причем мы стараемся вести диалог пусть полемический, и с теми группами, к которым другие предпочитают не обращаться, — с наркоманами, даже расистами.

— Роль министра-коммуниста более или менее ясна. А что значит сегодня быть режиссером-коммунистом?

— Я не считаю правильной такую постановку вопроса: что значит быть коммунистом в кино, в живописи или в музыке? На мой взгляд, вопрос для всех один: что значит быть сегодня

коммунистом вообще? Думаю, что, несмотря на все перемены и у вас, и в нашем обществе, определенные принципы остаются неизменными. Ведь со времен Французской революции не было придумано других слов для обозначения таких понятий, как равенство, социальная справедливость. Поэтому коммунистом, на мой взгляд, остается тот, кто привержен больше не личному, частному интересу, не прибыли, а идее доверия, братства, более справедливого, равноправного общества, которое давало бы каждому по его потребностям. При том, что многие идеи Маркса устарели, я считаю, что некоторые положения «Манифеста Коммунистической партии» по-прежнему актуальны.

— А какой видится роль кино в сегодняшнем обществе?

— В годы моей молодости оно не было только развлечением, это был инструмент формирования человека. После просмотра нового фильма его бурно обсуждали, спорили о нем, ходили его смотреть еще раз. От фильмов

получали то, что человек мог получить от книги, от чтения Достоевского или Моравии, от написанной художником картины.

Эта функция кино сейчас несколько сократилась. Телевидение в определенной степени монополизировало зрителя.

— Иными словами, речь идет об определенном кризисе кинематографа? Но о нем в Италии беспрерывно твердят уже не одно десятилетие...

— Это верно — сколько я занимаюсь кино, столько и говорят о его кризисе. Но сейчас, я думаю, итальянское кино переживает его на самом деле. В последние 8—10 лет кино жило «прокатом» по телевидению. Из кинобизнеса ушли бывшие прокатчики, бравшие когда-то на себя и часть финансового риска. Сегодня те из них, кто еще остался, ограничиваются исключительно распределением фильмов по залам. Даже в выпуске афиш не участвуют. Роль продюсера тоже очень снизилась...

Раньше же фильм рос вместе со зрителем: сначала, бывало, шел при далеко не полных залах. Но его продолжали показывать — и через неделю он уже вызывал интерес, а через месяц имел успех... Так было, например, с фильмом Дино Ризи «Обгон», для которого я писал сценарий. Первые дни он показывался всем полным провалом, но потом обернулся общенациональным, а затем и европейским успехом: именно потому, что сами зрители «вырастили» этот фильм. Такой «карьер» фильма теперь не бывает...

Одна из дочерей Сколы — Сильвия была соавтором сценария его последнего фильма — «Который час?». И это побуждает меня задать ему вопрос:

— А как в отношении политики—разделяют дети идеи отца?

— В достаточной степени. Но — критически. Например, по поводу последних перемен в партии у нас позиции разделились: я поддерживаю тех, кто говорит «да», мнение дочерей — «нет»...

Поясню: с конца прошлого года в ИКП дебатировали предло-

жения Генерального секретаря А. Оккетто — создать вместо компартии другую политическую организацию, более широкую, не имеющую идеологических границ. Тем самым хотят попытаться деблокировать внутривнутриполитическую ситуацию, сделать шаг к реальной смене партии у власти. Эта идея получила одобрение примерно двух третей членов ИКП и делегатов ее весеннего чрезвычайного съезда. В обиходе сторонников этой идеи зовут теми, кто выступает «за». Им противостоят те, кто говорит «нет» — «нет» ликвидации ИКП партию, считают они, необходимо коренным образом реформировать, но сохранить как самостоятельную политическую силу. В этой группировке тоже много видных деятелей ИКП, и не только ветеранов.

— А в чем причина?

— Еще несколько лет назад я бы поддержал своих дочерей. Но сейчас политическая ситуация в Италии очень деградировала — почти во всем. Это и переплетение политики с бизнесом, и хроническое бессилие в схватке с мафией, это — увеличение налогов при том, что государство не в состоянии получить их с тех, кто должен бы платить в первую очередь. Это — политика в защиту наиболее сильных и отрицание прав двух третей населения.

В таких условиях действовать в оппозиции теми же способами, как и раньше, уже бессмысленно. Да, это давало бы нам возможность продолжать гордиться собой, чувствовать себя борцами за интересы других, но при постоянном бессилии что-либо сделать. Потому что сделать что-то, если есть такое желание, можно лишь в условиях чередования власти. В одиночку же компартия к кормилу страны не пробьется. Она должна искать и находить союзников, чтобы вместе с ними пытаться что-то исправить.

Н. МИРОШНИК.

(Соб. корр. «Правды»).
г. Рим, июль.